

БЛОШИНЫЙ ЦИРК, ИЛИ ОТКРОВЕНИЯ ЭЖЕНА ИОНЕСКО

«Я ПИТАЮ несбыточную надежду на вселенскую катастрофу, которая стерла бы всех нас с лица земли.

Нам нравятся убийцы. И мы жалеем их жертвы лишь в благодарность за то, что они позволили убивать себя».

Кому же принадлежат эти тирады? Злодею из кровавого детектива а ля Джеймс Бонд или фашистскому наемнику? Ни то и ни другое: это признания известного французского драматурга, основоположника так называемого «театра абсурда» Эжена Ионеско. В трех августовских номерах парижский еженедельник «Фигаро литерер» напечатал большие отрывки из его автобиографического сочинения «Прошлое, настоящее», которое скоро выйдет отдельным изданием и, по словам журнала «Пари-матч», «наделает много шума».

Славы «короля антитеатра» Ионеско явно недостаточно. «В сущности, театр не является моим истинным призванием, — писал он в появившейся в прошлом году книге «Крохи дневника». — Вот уже немало лет я убеждаю себя в том, что мне пора приступить к моему настоящему творчеству».

Эту исповедь, признавался Ионеско, он написал для того, чтобы «обрести самого себя». Переменяя старые дневниковые записи и мемуарные страницы злободневными политическими комментариями, метр современного модернизма знакомит читателей со своей философией и эстетикой. Кроме того, он еще жаждет лавров политического пророка. Автор «Носорогов», замечает «Пари-матч», «с носорожьей яростью» бросается сокрушать революцию. Непосредственным поводом для этого послужила бурная социальная борьба во Франции в мае — июне.

Почему же книге Ионеско предрекают скандальный успех? Прежде всего потому, что известный драматург-авангардист выступает с реакционных, антикоммунистических позиций.

Ионеско, разумеется, всячески маскирует свои общеполитические ретроградные суждения велеречивой, но весьма банальной метафизикой. Едва только человек, громкогласно сетует он, перестает заниматься высшими метафизическими проблемами и начинает заниматься устройством земных дел, то есть политикой, экономикой, социальными вопросами, как все человечество сразу же деградирует или, по его выражению, «оскотинивается».

О роде человеческого Ио-

неско вообще крайне нелестного мнения. Мир, с его точки зрения, населен «носорогами», «мокрицами», «кретинами». Люди якобы ничего не знают о себе, ничего не смыслят в бытии.

Ионеско — воинствующий антигуманист, он с наслаждением смакует слабости и пороки человека, он — поэт человеческого ничтожества. Кажется, что приводимые ниже рассуждения Ионеско о свободе написаны смердяковым: «Можно устроить блошинный цирк. Надо выдрессировать блох: первое, чего следует добиться, — это чтобы блохи больше не прыгали. Как этого достичь? Накрывать блох стаканом. Блохи пытаются прыгать, бьются о стекло, снова падают. Начиная с определенного момента, они перестают прыгать. Можно убрать стакан. И вот блохи медленно ползают, обалдевшие, их можно подталкивать пальцем, дуть на них — они уже не скачут».

Когда наступит мир, когда будут открыты все границы, когда мне вернут свободу, я, быть может, и не осмелюсь уже прыгать, из-за страха наткнуться на невидимый стакан».

Эти циничные строки написаны во время второй мировой войны. Но послушаем дальше «исповедь» короля антитеатра: «Я не могу сказать, что не испытываю какой-то тайной радости, когда узнаю, что был разрушен Днепродзержинск; что города и заводы России полностью превратились в руины; что целые города рушатся в Германии, Италии, Англии; что уничтожили десятки тысяч поляков, евреев, чехов, сербов; что погибли сотни тысяч немецких солдат. Мне кажется, что всего этого мало.

Пусть разрушится все...»

Человечество сражалось с коричневой чумой фашизма, а Ионеско укладкой мечтал о славе Герострата. Французский критик Жан-Луи Бори метко назвал подобные разглагольствования Ионеско «наплевательской риторикой, оправдывающей самые отвратительные мерзости наших дней». Ж.-Л. Бори оказался прав. Радующийся гибели тысяч евреев, Ионеско теперь красноречиво поддерживает и «теоретически» обосновывает необходимость израильской агрессии против арабских народов. Движение французской молодежи за демократию и реформу образования он приравнивает к борьбе нацистов за власть в начале тридцатых годов. И при этом горько жалеет, что студентам «набивают головы марксистскими глупостями».

Сам Ионеско, конечно

же, сторонник популярных на Западе теорий дейдеологизации, он антимарксист и поборник «свободного мира». Он призывает «не попадаться в ловушку идеологии», считает все системы политики и философии ложными и ограниченными.

«Революция, — повторяет Ионеско допотопные штампы антикоммунизма, — это скрытая воля, стремящаяся уничтожить достижения духа», «деорганизация и разрушение ради разрушения».

Не веря в прогресс и разум, он видит в последнем только «низшую форму инстинкта». Вот, например, как он прогнозирует будущее: «Может статься, что пчелы и муравьи некогда были разумными. Теперь они миновали стадию нелепой цивилизации разума и осуществили совершенную, окончательную цивилизацию инстинкта. Техническая, коллективистская цивилизация «железной дисциплины» может привести нас к миру муравьев». Примитивность представлений Ионеско о революции, прогрессе и цивилизации вызвала раздражение даже у благожелательных к нему критиков.

Обозреватель буржуазной газеты «Монд» называет декларации Ионеско «поспешными, несправедливыми, слепыми».

Реалистическую литературу, познающую действительность, Ионеско категорически отвергает. По его мнению, у литературы не может быть содержания: «Я спрашиваю себя, как меня еще могут волновать или, точнее, занимать экономические, социальные, политические проблемы, раз я знаю, что все мы умрем...» Писателей Ионеско призывает «подняться над временем». Он пытается убедить их, что невозможно «писать в коллективистском духе, стремясь выразить новый мир». Он — за литературу «индивидуалистическую», «бесполезное сознание» абсурдных условий человеческого существования.

Упрекнуть рассуждения Ионеско в оригинальности невозможно. Нищета философии короля антитеатра поразительна: вся его «мудрость» — это расхожая монета экзистенциализма, фрейдизма и других модных течений; политика — набившие оскомину клише антикоммунистической пропаганды; эстетика — унылое эпигонское декадентство столетней давности.

Откровения Эжена Ионеско — еще одно выразительное саморазоблачение модернизма.

Л. ПАВЛОВ